

А.В. УРМАНОВ
профессор кафедры русского языка и литературы
БГПУ

**ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА Ф.И. ЧУДАКОВА
«ОЧАРОВАННЫЙ ЛЕШИЙ» В КОНТЕКСТЕ
ЖИЗНЕННОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЫ АВТОРА¹**

**Любовная лодка разбилась о быт?..
*Немного предыстории***

Драматическая сказка в трёх картинах «Очарованный Леший» была опубликована в феврале-марте 1912 года в четырёх номерах выходившей в Благовещенске общественно-политической и литературной газеты «Эхо». Судя по тому, что печаталась она без перерывов, номер за номером, к моменту начала публикации весьма объёмный стихотворный текст был уже полностью готов. «Очарованный Леший» – одно из самых совершенных несатирических произведений Чудакова, над ним автор, судя по всему, трудился без обычной спешки (объясняющейся предельно жёстким графиком работы провинциального журналиста-газетчика), тщательно оттачивая, шлифуя его. Время, которое ушло на создание сказки, явно выходило за пределы того сверхкороткого отрезка, в течение которого она печаталась – с 16 по 19 февраля (с 29 февраля по 3 марта по новому стилю). Поверить, что такое произведение могло быть создано всего за четыре дня, невозможно.

Как известно, Чудаков обычно писал очень быстро и сразу же, буквально «с колёс», отдавал написанное в печать. Это касается и объёмных произведений, которые

---

¹ Все произведения, которые цитируются, приводятся в данной статье, с момента их публикации в амурской периодике начала XX века и вплоть до настоящего времени никогда не перепечатывались, не издавались. В научный оборот они вводятся впервые.

публиковались по мере готовности глав: приключенческих повестей «Диана Кедровская» и «Дочь шамана», «лирико-сатирического» романа «Тайны Зеи», серии очерков «В “столицу” Приамурья!», охотничье-рыболовных баек о сплаве по Зее «Двое в лодке», поэмы «Ахиня» и многого другого.

«Очарованный Леший» же в этом смысле произведение уникальное: автор уделял ему больше внимания и придавал гораздо большее значение, чем «оперативным» жанрам – очеркам, фельетонам, статьям и т.п. Об особом отношении писателя к сказке свидетельствует и тот факт, что он выпустил её в том же 1912 г. отдельным изданием [22]. С этого момента и вплоть до трагической гибели в 1918-м Чудаков не издал более ни одного своего произведения отдельной книжкой. Только незадолго до смерти поделился планами выпустить библиотечку лучших произведений амурских авторов, в том числе две собственные книги: повесть «Диана Кедровская» и сборник «Легенды и сказки». Во вторую, очевидно, вошёл бы и «Очарованный Леший».

К моменту публикации драматической сказки уроженец города Чембара Пензенской губернии Чудаков жил на Амуре (под гласным надзором полиции) чуть более трёх лет, успев в первой половине 1909 г. отсидеть шесть месяцев в политическом отделении Благовещенской тюрьмы – за побег из енисейской ссылки. После освобождения за сравнительно короткий срок он превратился в одного из ведущих сотрудников газеты «Эхо», стал секретарём её редакции, то есть одним из тех, кто определял редакционную политику, оказывал влияние на направление самой авторитетной на тот момент газеты Приамурья. Но главное, он заслужил признание в творческой среде и имел успех у амурских читателей.

Незадолго до публикации «Очарованного Лешего», 1 (14) января 1912 года в «Эхе» было напечатано стихотворное послание «Друзьям» с подзаголовком «Новогодние пожелания» и за подписью (под псевдонимом) *Зейнаб*. Стихи Зейнаб, весьма посредственной амурской поэтессы, изредка появлялись в газете и раньше, печатались они и позже.

«Друзья», к которым обращается автор «Новогодних пожеланий», – ведущие сотрудники «Эха», в том числе *Язва* (этим псевдонимом Чудаков подписывал не только фельетоны, но и некоторые лирические, прозаические и драматические произведения, в том числе и сказку «Очарованный Леший»). Ему Зейнаб адресует самые лестные строчки своего послания, свидетельствующие, что уже тогда к Ф. Чудакову-литератору в Благовещенске относились с безусловным уважением.

Вот фрагмент новогодних пожеланий Зейнаб, адресованный сатирику:

Перед тобою, *Язва*, я теряюсь,
Что пожелать тебе – невольно затрудняюсь:
Природа-мать тебя всем наделила
И даже Максом², верным другом, наградила.
Ты – рыболов, прозаик и поэт,
И даже... даже сердцеед.
Недостаёт, чтоб ты играл *allegro* на тромбоне
И, будучи на Будунде³, купался в изумрудной Роне⁴...

[8]

Обращает на себя внимание, что Зейнаб, перечисляя то, чем обладает сатирик, не упоминает ни о его жене Варваре, ни о двухлетней дочурке Наташе (не знает об их существовании?), но зато проявляет осведомлённость о собаке – Максе, о любимом месте рыбалки – Будунде. Самое же поразительное, Зейнаб печатно именуется его, человека семейного, женатого, отца малолетнего ребёнка (в редакции «Эха» этого не могли не знать), *сердцеедом*. Впрочем, и сам

---

² *Макс* (*Максим*, *Максимка*) – любимая собака Ф.И. Чудакова, фигурировавшая в ряде его произведений. Застрелена хозяином в ночь самоубийства – 13 марта 1918 года.

³ *Будунда* (с 1972 года – *Ивановка*) – небольшая (176 км) река в Амурской области, левый приток Зеи, впадает в неё в районе с. Усть-Ивановка, немного выше Благовещенска, на противоположном берегу.

⁴ *Рона* – одна из великих рек Франции.

Чудаков, не раз упоминавший Макса в своих произведениях и даже делавший его главным героем ряда фельетонов [16, с. 105–106; 5; 6], ни о дочери, ни о жене, похоже, не писал, имён их в своих произведениях не называл. Более того, время от времени печатал стихи, фельетоны, в которых, словно дразня жену, старался подтвердить репутацию «сердцееда» – человека, не только засматривавшегося на хорошеньких женщин, пользовавшегося у них успехом, но и не упускавшего счастливого случая. Вот только два из них, написанные в первой половине того же года. Первое создано в марте, вскоре после публикации «Очарованного Лешего»:

У ОКНА
Роман сотрудника

Тупые, скрипучие ножницы
Вонзал я в кадетскую «Речь»⁵,
И шли две железнодорожницы
С густыми кудрями до плеч.
Смотрел. Притаился за шторами,
Глядел и вздыхал тяжело.
Под острыми, жадными взорами,
Как воск, растопилось стекло.
Увидели. Полные прелести
Улыбки цвели на устах...
Упала газета, и в шелесте
Мне слышалось тихое: «Ах!»
«Ах! Нужны ли сердцу “Известия”,
И Венгрия ль сердцу нужна?»

---

⁵ «Речь» (1906–1917) – ежедневная газета либерального направления, центральный орган партии кадетов. В обязанности Чудакова – секретаря редакции «Эха», входило, в том числе, составление хроники российских и международных событий, материал для которой он черпал в центральных периодических изданиях. Публикации в «Речи» часто становились и поводом для фельетонных «шпилек» Чудакова, являвшегося непримиримым идейным противником «партии народной свободы». Не случайно автобиографический персонаж не просто делает вырезки из кадетской газеты, а с чувством «вонзает» в неё ножницы.

И был головой в Будапеште я,
А сердцем я был у окна.
Прошли. Оглянулись. Безбожницы!
Смеются! О, сотня чертей!
Глаза! Почему вы – не ножницы,
А пылкое сердце – не клей? [23]

При всей своей дурашливо-игривой тональности, при всей демонстративной ироничности авторского дискурса стихотворный текст этот вряд ли воспринимался современниками Чудакова, особенно его близкими, как произведение об условном персонаже и такой же условной житейской ситуации. В «лирическом герое», бросающем на проходящих мимо здания редакции⁶ кудрявых прелестниц такие «острые и жадные взоры», от которых едва не плавится оконное стекло, читатели, и уж тем более сотрудники «Эха», наверняка видели не какого-то абстрактного обывателя-женолюба, а самого автора. Да, собственно, он и не пытается маскировать своё сходство (или даже тождество) с персонажем, скорее наоборот: рассказ ведёт от первого лица; лирический герой, как и сам он – сотрудник газеты.

Судя по этому тексту, поведение персонажа (обладающего, как отмечалось выше, несомненным сходством с автором) определяется воздействием двух импульсов – эмоционального и рационального. А они не всегда совпадают, не всегда имеют одинаковый вектор, что чревато конфликтами *сердца* (чувств) и *головы* (рассудка). Воссоздаваемая в произведении сюжетная ситуация наглядно показывает: когда импульсы эти имеют разную направленность, верх берёт сердечное влечение, а отнюдь не трезвый рассудок: «Ах! Нужны ли сердцу “Известия”?..»; «...был головой в Будапеште я, / А сердцем я был у окна».

---

⁶ В 1912 г. редакция газеты «Эхо» находилась на улице Большой (ныне Ленина, 181) между Графской (Калинина) и Никольской (Комсомольской), напротив почты, в двухэтажном здании, владельцем которого была Татьяна Дмитриевна Нино, жена французского подданного, благовещенского купца Евгения Нино.

Профессиональные обязанности, гражданский долг, партийная дисциплина – всё это не может соперничать с сильным чувственным порывом, теснится им.

Не менее личным и автобиографичным выглядит второе стихотворение – «Нельзя?», созданное в июне, во время продолжительной поездки (плаванья) Чудакова по Зее (эта творческая командировка нашла отражение во множестве его произведений разных жанров: лирических стихах, фельетонах, очерках, романе «Тайны Зеи»). Хотя в самом стихотворении слово «нельзя» во всех четырёх случаях сопровождается восклицательным знаком, в заглавии автор заменяет его вопросительным: «Нельзя?» В таком виде слово воспринимается не как отказ, категоричный запрет, а как имеющее оттенок фривольности разрешение – по пословице: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». Подзаголовок – *«Может быть, с натуры»* – не только закрепляет и даже усиливает этот легко угадываемый смысл, но и содержит прозрачный намёк, что автор рассказывает о подлинном случае, который к тому же произошёл не с кем-то другим, а с ним самим. Возникает ощущение, что и здесь Чудаков словно кого-то провоцирует – возможно, намеренно будит чувство ревности. Или, может быть, хочет причинить боль близкому человеку, дать понять ему, что характер их отношений его не устраивает, и это вынуждает автора совершать сомнительные поступки или, как минимум, не исключать их для себя «в теории».

НЕЛЬЗЯ?

Может быть, с натуры

Он стоял, навалившись на борт,
С ликом сладким, как яблочный торт.
На скамейке сидела она,
А на небе дремала луна.
Глаз с соседки не в силах отвесь,
Он сказал: «Разрешите присесть?»
Но, очами по Зее скользя,
Она отвечала: «Нельзя!»

– Да, – сказал он, садясь, и вздохнул. –
Этот шум мелодичный и гул
Навевает святые мечты.
Сердце жаждет любви... красоты...
Да... и хочется верить... страдать...
Ваше имя позвольте узнать? –
И ответила, ногти грызя:
«Имя? Нина... А впрочем – нельзя!»

– Да, – сказал он. – Густеет туман...
Вот на вахту прошёл капитан...
Нина, знаете, жизнь коротка,
Жизнь мгновенна, как запах цветка.
Только в юности можно мечтать...
Разрешите... вас... по... це... ловать? –
И лукаво, мизинцем грозя,
Она отвечала: «Нельзя!»

– Да, – сказал он, целуя её. –
Жизнь мгновенна. И то, что моё,
Завтра будет далёким, чужим,
Как туман, как растаявший дым...
Скоро полночь... Сгущается мрак.
Бррр!.. Какой неприятный сквозняк!
Не пойти ли в каюту? С реки
Дышат вредною влагой пески! –
И, поднявшись и рядом скользя,
Она улыбнулась: «Нельзя!» [19]

И хотя на этот раз романтическая история преподносится читателям не от первого, а от третьего лица, тем не менее, «он» – пассажир парохода, настойчиво добивающийся благосклонности своей попутчицы, убеждающий её, что «жизнь мгновенна, как запах цветка», а потому нужно довериться сердцу, которое «жаждет любви», разительно походит на Фёдора Чудакова – признанного «сердцееда» и талантливого лирика. Герой стихотворения ухаживает за случайной знакомой не как заурядный ловелас, банальный волокита, а как поэт, обаятельный, владеющий арсеналом впечатляющих поэтических образов и

нетривиальных доводов, позволяющих ему затронуть чувствительные струны души юной особы, очаровать её, пробудить в ней желание откликнуться на порыв столь тончённого обольстителя, .

Приведённые стихи, содержательно связанные с «Очарованным Лешим» (подробный разговор о котором впереди), дают основание взглянуть на драматическую сказку как на произведение, имеющее по преимуществу «личный», «интимный» характер.

Если абстрагироваться от исторического контекста эпохи, от бурных социально-политических процессов, в которые был вовлечён писатель, если не принимать во внимание острую идейную борьбу, активным участником которой был Чудаков (оснований для этого достаточно – ничего из того, что перечислено выше, не показано ни в упомянутых стихах, ни в сказке), и рассматривать «Очарованного Лешего» и содержательно связанные с ним стихи в биографическом аспекте, то в этом случае неизбежен вывод: они, эти произведения, психологически точно отразили подлинную семейно-бытовую ситуацию, в которой автор оказался в начале 1910-х годов.

В этой связи не лишним будет напомнить, что в 1908-м, проживая в небольшой заимке где-то под Красноярском, он увлёкся Варварой Протопоповой – гражданской женой Дмитрия Чернышёва, вместе с которыми спланировал и совершил побег из енисейской ссылки в Благовещенск, а после самоубийства товарища осенью того же года связал свою судьбу с этой женщиной [подробней об этом см.: 12, с. 423–424; 16, с. 13–14, 668–669]. Судя по всему, «очарование» Варварой не было продолжительным: похоже, Чудаков весьма скоро осознал, что не испытывает к жене сильного чувства. Или, возможно, тусклая повседневность, будничная семейная жизнь, бытовая неустроенность, материальные трудности погасили или существенно снизили прежний накал чувств, изменив характер отношений. В результате, Чудаков оказался лишён важнейшего для него жизненного и творческого стимула – страстной, пьянящей, романтически-возвышенной любви. А это, разумеется, не могло не

сказаться на его самочувствии – психологическом и творческом, на тематике и тональности произведений.

Поразительно, но факт: за исключением сборника «Пережитое», созданного в 1908–1909 гг. [2], у Чудакова нет ни одного лирического произведения, в котором он прямо или опосредованно говорит о любви к своей жене, где бы отразились их чувства и взаимоотношения. Зато у него немало стихов о любви, обращённых к другим женщинам: «Светляк» – с загадочным посвящением: «Ей» [14; 16, с. 280–281], «Из всех имён на свете...» – выражение романтических чувств, направленных на обладательницу имени Кэти [13; 16, с. 282], «Нечто типографское» – с посвящением «...той, которая набирала» [20], «Вечерние приключения» – с посвящением таинственной «Н. М. К.» [4], «Серенада» [7] и т.д.

Именно в 1911–1912 гг. – в период наметившегося семейного охлаждения или даже, возможно, разлада – у Чудакова начинают появляться произведения, в которых отразились острые переживания лирического героя, жаждущего «знойной страсти», мечтающего о сильном взаимном чувстве, но в то же время отдающего себе отчёт, что счастье утеряно, осталось в прошлом. Самое показательное в этом смысле произведение – записанное в строчку стихотворение, напечатанное в декабре 1911 года – то есть незадолго до публикации всё того же «Очарованного Лешего»:

ЛИРИЧЕСКИЙ БАРИТОН

Часто, полночью глубокой, утомлённый, одинокий, о далёкой, черноокой, о тебе, чей взор наивный и призывный чаровал меня, лаская, обжигая, – я скорблю...

Где ты? Спеты те дуэты, что, ночной фатой одеты, мы певали в тёмной дали над обрывом молчаливым... Песни спеты... И ко мне ты не прильнёшь с весёлым смехом... Горным эхом не промчится вереница светлых слов: «Люблю! Люблю!!»

Я один... Сомнение мучит... Парка⁷ нитку жизни сучит...
Кот мяучит... Зенки пучит со стены портрет старинный... Ночью
длинной я измаян и, как Каин, как беспаспортный скиталец, ко
лбу палец подымаю, опускаю, долю горькую ругаю, всё кляню,
взбешён и пылок, и затылок свой скоблю.

По тебе я, фея, млея, и не смея посильнее закричать от
знойной страсти, лишь отчасти на полпасти рот просторный,
красно-чёрный открываю и взываю: «О, богиня, вспомни ныне,
как когда-то над обрывом молчаливым пели, мир весь позабыв,
мы... Погляди на эти рифмы и... скажи: “Иди к чертям!”» [18]

«Лирический баритон» – страстная ночная мольба,
мысленно обращённая к той, объятия и ласки которой когда-
то заставляли героя забыть обо всём на свете. В этом
лирическом молении выплёскиваются и ностальгические
воспоминания о былом счастье, и горькие разочарования
сегодняшнего дня, и робкие надежды на то, что всё ещё
можно вернуть, и самоирония, и трезвое осознание того, что
в одну реку дважды войти не удастся.

Двумя днями раньше в газете «Эхо» было напечатано
ещё одно родственное по настроению и смыслу произведение
– «Знахарь». Оно состоит из двух частей: первая –
ироническая, с юмором повествующая о незадачливом и
наивном деревенском знахаре Козодое, который, откликаясь
на просьбу лукавого и любвеобильного соседа, с помощью
колдовства, сам того не понимая, привораживает к нему свою
собственную молодую жену. Этот сюжет понадобился автору
как повод для того, чтобы во второй части, оттолкнувшись от
него, перевести разговор в другую тональность – серьёзную –
и в иную плоскость – о самом себе:

Так и я: однажды Счастье
Забрело ко мне: «Стук-стук!
Вот пришло к тебе припасть я,

---

⁷ Парка – судьба (в образах античной мифологии); от собственного
имени римской богини судьбы *Parca* или общего названия *parcae* –
трёх богинь судьбы, которые начинали прясть, пряли и перерезали
«нить жизни»; то же, что греч. *моiры* и *Мойра*.

Отвори, любезный друг!!»
Я раскрыл свои объятия
И... остался глух и нем:
«Счастье, – начал рассуждать я. –
Как? Откуда? И зачем?
Счастья тщетно добивались
Все – и мне такая честь?
Нужно тщательный анализ
Неотложно произвести!!»
И пока я аксиому
Разрешил (не без труда),
Счастье стукнулось к другому
И исчезло... навсегда!.. [17]

В этом тексте ощутима явственная переключка с ироническим стихотворением «У окна», лирический герой которого не в силах примирить собственные чувства (сердце) с рассудком (головой). А здесь лирический субъект осознаёт, что упустил своё счастье, отказавшись довериться чувству, не захотев пойти ему навстречу, подчинив свою жизнь доводам разума.

Можно добавить, что в данный период творчества Ф. Чудаков часто обращается к своему прошлому: в частности, пишет автобиографическую прозу, в которой с ностальгией вспоминает прежние свои увлечения – подростковые, юношеские влюблённости. Таковы, например, автобиографические рассказы конца 1911 года «Мой роман» [1] и «Плен» [3].

Изложенные выше обстоятельства позволяют выдвинуть предположение, что драматическая сказка Фёдора Чудакова «Очарованный Леший» – своеобразная поэтическая рефлексия, аллегорически отражающая перемены в его собственной семейной жизни.

Справедливо ли такое прочтение сказки, правомерно ли именно к этому сводить её смысл? Найти ответ на данный вопрос невозможно без обращения к самому произведению.

О, любовь!.. Ты дороже весны и свободы?..

Магия очарования и её преодоление

С точки зрения собственно художественной, «Очарованный Леший» интересен, прежде всего, разработкой фольклорных мотивов. Некоторые из персонажей словно перекочевали в произведение Чудакова из русских народных сказок: думающие лишь о том, как набить брюхо, вечно голодные волки, плутовка и насмешница лиса, добродушный увалень и тугодум медведь. Мало того, автор использует известный фольклорный сюжет – о глупом волке, который по совету коварной лисы ловит рыбу в проруби на собственный хвост. В произведении Чудакова, правда, эту историю рассказывает сам пострадавший – волк по прозвищу *Идиот*:

Идиот. Да, вишь, ты, вышло всё случайно.

Бегу я, значит, глядь – кума

Лисичка кушает налима.

Я сдуру пробежал бы мимо,

Да уж она меня сама:

«Эй, Идиот! – кричит, – послушай!

Вот пёрышко налимы скушай!»

Я говорю: «А где взяла?»

Она: «На уду добыла».

«А как?»

А кумушка с улыбкой:

«Да, – говорит, – тут способ прост:

Ты опусти, мол, в прорубь хвост,

Ишь, у тебя какой он гибкий,

И жди, когда начнёт клевать.

А клонет – надо не зевать:

Тащи скорей, а то сорвётся.

Ну, вот и всё!» – сама смеётся.

Ну, я сейчас на прорубь шасть,

Хвост в воду и, сомкнувши пасть,

Сижу и ужу. Клёва нету.

Ну, просидел я до рассвету,

Гляжу – пора б и удирать.

Рванул хвостом – не тут-то было:

Такая рыба привалила,

Что, право слово, не поднять.

Уж я и так и сяк старался...
Ан, глядь, народ кругом собрался,
Поднялся хохот, шум, галдёж.
Мне стало прямо невтерпёж,
Рванусь, а рыба не пускает!
Карнаухий. Должно, сазан?
Идиот. Да чёрт их знает:
Сазан, налим, а может, сом...
Ну, я орудую хвостом,
А стервы-бабы обступили
Да так взлупили, так взлупили,
Что не забудешь во сто лет!
Живого места в теле нет.
Вишь, лоскуты-то как повисли!
Вишь, тут дыра, вот видно кость!
В проклятом бабьем коромысле
Торчал полуаршинный гвоздь,
Ну, изодрал, конечно, в клочья.
Не думал ног уж уволочь я,
Но всё же задал латата,
Оставив рыбе полхвоста [21, № 972].

Но на этом фольклорная стилизация обрывается: волк Идиот, прежде отличавшийся от своих алчных и циничных товарищей по стае лишь предельной наивностью и такой же непомерной глупостью, неожиданно поворачивается к читателям (или зрителям) совершенно неожиданной и абсолютно не фольклорной стороной. Оказывается, он воспринимает мир не как голодный хищник – то есть пустым брюхом, а как романтик, для которого самое важное – красота, в данном случае женская. Увидевший Русалку волк превращается в «очарованного волка», то есть, по сути, в полную противоположность своих товарищей.

Вот этот диалог – между, с одной стороны, двумя первыми волками – *Дедом* и *Карнаухим* (далее для краткости, как и у Чудакова – *Карн.*), сугубыми *материалистами*, отъявленными циниками и прагматиками, и, с другой, волком Идиотом, *идеалистом, романтиком, поэтом*:

Дед. Ха-ха-ха-ха! Вот это штука!

Почти весь хвост отгрызла щука.
Карн. Ой, детко бедное моё!
Идиот. А всё же я видал её!
Дед. Кого, дурак? Дубину?
Карн. Палку?
Идиот. Да нет, её!
Карн. Кого?
Идиот. Русалку!
Её тело блестит, как снега на заре,
Когда ночь за моря улетела,
Как лесные снега на заре, в январе,
Так блестит её белое тело!
Дед. Всё это очень колоритно!
Карн. Прибавь: и очень аппетитно!
Идиот. Погляди в небеса: там миллионы огней!
Это – звёзды, светильники ночи.
Ярче звёздных огней, и ясней, и светлей
Её очи, прекрасные очи!
Дед. Избито, плоско и старо!
Карн. Совсем не радует нутро!
Идиот. Её косы – на свете пышнее их нет!
Тяжело ей от чёрной их ноши!
Карн. (*попадая в тон*).
Её губы милы, словно заячий след,
Словно заячий след по пороше!
Идиот. Вся она – красота, красота без конца,
Лучший перл поднебесного мира!
Карн. Ну, короче, она – как живая овца,
Накопившая за зиму жира!
Дед. Чем чепуху в высоком стиле
Гнусавым голосом тянуть,
Вы лучше б Деда угостили
Дичинкою какой-нибудь!
Идиот. У вас о жратве лишь и мысли!
Карн. Постой, а там, на коромысле,
Ты много мяса потерял?
Идиот. Пойди, проведай!
Карн. Ах, нахал!
Да я тебе, пустой скотине... [21, № 973]

И в этот самый момент, когда серые хищники уже готовы отобедать своим глупым товарищем, появляется главный персонаж драматической сказки – *Леший*, «юный царь тайги». В нём нет ни малейшего сходства с фольклорными «однофамильцами» – ни по возрасту, ни по внешности, ни по поступкам, ни по натуре. Скорее, он напоминает юного Фёдора Чудакова, чем фольклорного лешего. С одной стороны, Леший наделён тонкой и возвышенной натурой, умением замечать и ценить красоту природы. С другой, он силен, дерзок, отважен и более всего на свете ценит волю. Первая *песня* Лешего – гимн перевозданной природной красоте и воле:

Вот светлеет купол синий,
За горой встаёт заря.
На ветвях колючий иней
Ткёт узор из янтаря.
Тишину в моих владеньях
Скоро сменит жизни бег.
Заблестит на старых пенях
Молодой пушистый снег.
О, заря! В лесах моих ты
Сумрак ночи размечи
И одень седые пихты
В ткани радужной парчи.
Будут сосны в тихой дрёме
Очарованно стоять,
Тосковать о вешнем громе
И о бурях тосковать.
С чувством слабости несродный,
Я иду среди снегов,
Вечно юный и свободный,
Гордый царь седых лесов! [21, № 973]

Подобные качества (вольнолюбие, дерзость, сила воли, умение ценить красоту дикой таёжной природы) были присущи и 24-летнему создателю «Очарованного Лешего». А ещё больше – Чудакову 20-летнему, образца 1908 года, то есть периода его енисейской ссылки. Этому этапу биографии

он посвятил приключенческую повесть «Диана Кедровская» (1917) [10; 16, с. 364–411], а также пьесе «Изгнанники» (1918) [15; 16, с. 479–532], в которой вывел себя под именем вольнолюбивого *Бродяги*⁸.

В-третьих, и в этом его принципиальная новизна (в сравнении с автобиографическими персонажами «Дианы Кедровской» и «Изгнанников»), герой «Очарованного Лешего» способен на чувственные порывы огромной силы, на рискованные поступки, диктуемые не холодным разумом, а бурными эмоциональными всплесками. И главная, до поры дремлющая в нём эмоция – жажда любви. Ради любви он готов забыть то, что прежде казалось главной ценностью – волю, свободу.

Уже здесь, в первой картине обнаруживает себя центральный конфликт произведения – между *покоем* и *волей*, между чувством и долгом, между ценностями частной жизни и общественными идеалами. Конфликт этот разворачивается не во внешнем по отношению к главному герою пространстве, а во внутреннем – в его собственной душе. Именно внутренний мир «очарованного» Лешего становится ареной борьбы двух этих начал, именно герою в своём собственном сознании предстоит сделать решающий выбор, способный предопределить всю его дальнейшую судьбу. Перед таким выбором в начале 1910-х годов, судя по всему, оказался и автор произведения. Именно по этой причине Чудаков свой собственный жизненный опыт экстраполировал на сюжетную ситуацию драматической сказки, а личными переживаниями наделил главного персонажа.

Услышав восторженный рассказ Идиота о прекрасной Русалке, Леший начинает воспринимать прежнюю свою жизнь лишь как ожидание предначертанной встречи с нею, как то, что не имело никакого иного самостоятельного смысла. В прошлом теперь он видит лишь знаки судьбы, предвещавшие эту встречу:

---

⁸ О Бродяге и его прототипе см. статью, посвящённую пьесе «Изгнанники» [11].

Это о ней на таёжной опушке
Ранней весной куковали кукушки!
Это о ней на цветочной пыли
Песни писали шмели!
Помню – лишь только весенние зори
Вспыхнут в привольном таёжном просторе, –
Песня одна лишь повсюду слышна:
«Это она! Это она!»
Травы, деревья, и звери, и птицы –
Все трепетали тоской о царице!
Это она приходила ко мне
В неясном весеннем моём полусне!.. [21, № 973]

Долго дремавшая в нём потребность в любви пробуждается и полностью овладевает им. Без остатка отдаться вспыхнувшему чувству, быть с Русалкой – единственное желание, которое буквально испепеляет его. И в мире нет препятствия, которое могло бы остановить героя в этом его страстном порыве.

Предчувствие встречи с «царицей» жило в нём всегда, и когда она из грёзы, мечты, зыбкого сновидения превращается в реальность, герой буквально теряет голову, с этого момента его ведёт лишь чувство. Первая картина (из трёх) завершается тем, что Леший в сопровождении волка-романтика Идиота и пытающегося уберечь царя лесов от грозящих ему опасностей Медведя устремляется к озеру – царству Русалки.

Вторая картина – встреча главного героя с красавицей-феей, для которой вся её прежняя жизнь тоже, как оказалось, была лишь прелюдией к главному:

Голос Русалки (с чувством).
Ты? Желанный, долгожданный!
Ты, о ком шептал ручей!
Там вверху не блеск туманный –
Это свет твоих очей!
Тот, о ком шептали грёзы
Мне так сладко ввечеру,

А жемчужные стрекозы
Лепетали поутру!
Для кого цветут кувшинки,
Ряска цепкая цветёт,
И о ком весной тростинки
Тихо шепчут: «Он придёт!»
Ты пришёл зимой унылой,
Сквозь метели и мороз!
Ты пришёл ко мне, о, милый,
И весну с собой принёс! [21, № 974]

Красота и нежно-призывные речи Русалки многократно усиливают решимость Лешего опуститься на дно озера, совершить нисхождение – покинуть верхнее, таёжное царство, предпочтя воле личное счастье в дремотной тишине подводного мира. Но это решение, как выясняется из монолога царя лесов, продиктовано не только чарами любви, не только захватившей героя чувственной страстью, но и несколько странным для его юного возраста желанием отдохнуть от жизненных тревог и одиночества, обрести желанный покой:

Леший. Как тут тихо! В полумраке
Сладко дремлют слизняки,
Как таинственные знаки
Чудодейственной руки.
Лентой пёстрой и узорной
Прихотливо, как змея,
Бороздит песок озёрный
Русло горного ручья.
Он рождён, где правят войны
Сосны с бурей грудь о грудь,
И пришёл сюда – спокойно
И беззвучно отдохнуть.
Серебристой паутиной
Дно спокойное заткав,
Подымаются над тиной
Стебли выгнутые трав.
Полусвет висит неясный
Над заснувшею водой,

И царит везде бесстрастный
Очарованный покой...
Я устал от забот, от бесплодных тревог,
Я устал. Я всегда одинок!
И устал я от власти безбурной моей,
От покорных, послушных зверей.
Как здесь тихо! На ласковом тинистом дне
Отдохнуть захотелось и мне.
Облегчить, освежить утомлённую грудь...
Отдохнуть! Хоть часок отдохнуть!.. [21, № 974]

Тщетными оказываются попытки Медведя остановить своего властелина, предупредить его, что покой равносильен смерти, что юный царь лесов совершает роковую ошибку, за которую придётся заплатить непомерно дорого – собственной свободой:

Медведь. Берегись, о, повелитель!
В том покое – смерть твоя!
Пусть бежит таёжный житель
От него, как от ружья!
Он заманчив и приятен,
Он отрадно нежит взор,
Но опаснее рогатин,
Беспошадней, чем топор!
Поглотит тебя пучина
И задушит вонь и смрад!
Засосёт гнилая тина
И не выпустит назад!.. [21, № 974]

Становится понятно, что тинистое озеро, в которое собирается погрузиться прежде вольнолюбивый царь лесов – метафора мешанского покоя, благополучия, сытости, метафора личного счастья.

Несмотря на предостережения, Леший поддаётся собственным чувственным порывам и чарам Русалки, влекущей его в свои чертоги, обещающей поцелуи, ласки, негу, пиры, уединение и желанный покой. Если первая *песня* Лешего была гимном свободной жизни, то вторая – более

объёмная и экзальтированная – «песнь песней», гимн райской любви.

Русалка тоже жаждет любви, но, в отличие от царя лесов, у неё нет дилеммы: ей не нужна воля, она нуждается только в том, чтобы быть наедине с любимым:

Голос. Скорей, скорей в мои объятья!
Погрузись в эти волны лучистые,
Серебристые!
Ласки чистые
Здесь нас ждут, о, возлюбленный мой!
Утомлю тебя, милый, объятьями!
Согревать ими,
Охранять ими
Буду сон очарованный твой!.. [21, № 974]

«Очарованного» Лешего не останавливают ни предупреждения его верного спутника Медведя, ни собственные опасения, что слова подводной феи – обман, что озеро – коварная ловушка, в которой ему суждено бесславно и бесследно сгинуть. Все страхи и сомнения герой отгоняет от себя, полностью доверившись Русалке:

Леший. О, я верю тебе! Да и если бы нет,
Если б даже не верил тебе я,
Что мне жизнь, и леса, и свобода, и свет
Без тебя, о, красавица-фея?!
Пусть солгал, обманул твой коварный язык,
Обольстил меня ложью пустою,
Хоть на миг, на бесследный, коротенький миг
Единенья я жажду с тобою!
Так скорей же, скорее, не медли, прильни
Ты ко мне с пламенеющей лаской!
Поцелуй же меня! Очаруй, обмани
Мимолётной, прекрасною сказкой!.. [21, № 974]

Вторая картина завершается горькой репликой Медведя: «Тихо сомкнулися воды... / Замерли тихо круги... / Умер навек для свободы / Гордый владыка тайги!..» [21, № 974].

Но Медведь ошибся: выбор героем в качестве главной жизненной цели личного счастья не стал окончательным.

Третья картина перемещает нас на дно озера, где среди других обитателей подводного царства какое-то время провёл «очарованный» Леший. Русалка не обманула: он получил всё, к чему стремился, о чём мечтал, всё, что обещала фея. Однако этого ему оказалось мало, желанного счастья и покоя герою обрести не удалось: очень скоро его охватывает неизъяснимая тоска, которая разрывает душу – тоска по вольной жизни, по свободе, по дикой и просторной тайге. Возможно, это произошло и потому, что здесь, в подводном царстве, не оказалось той идиллии, которая представлялась Лешему наверху, когда он рассматривал владения Русалки сквозь сковавший озеро ледяной панцирь. Здесь властвуют те же самые безжалостные законы, что и в верхнем, таёжном царстве: крупные обитатели (Сом, Карась) пожирают мелких, слабых. Только делают они это, в отличие от волков, вяло, полусонно, без особого напряжения и выдумки.

Но главная причина разочарования героя – пришедшее осознание, что он не может быть счастливым, довольствуясь чем-то одним – в данном случае любовью.

Как мы помним, в реальной жизни биографический автор «Очарованного Лешего» в момент создания произведения страдал оттого, что не испытал любовь полной чашей, что оказался обделён ответным чувством, что некогда взаимная страсть оказалась скоротечной и осталась лишь в воспоминаниях.

В этом смысле драматическая сказка – своеобразный художественный эксперимент, попытка Ф. Чудакова реализовать свои несбывшиеся ожидания с помощью творческого воображения, через сказочный, аллегорический сюжет. Своего героя он награждает тем, чего лишён был сам – идеальной в его представлении возлюбленной, которая видит смысл своего существования лишь в том, чтобы быть с ним, щедро дарить ему свою нежность. «Эстетическая реконструкция» собственной жизни в «сказочном» сюжете позволила автору пройти вместе со своим героем путь к

обретению, казалось бы, абсолютного счастья, чтобы понять: может ли в принципе подобный жизненный сюжет принести ему то, чего так жаждет душа – гармонии. Оказалось, что нет. Развёртывание сказочного сюжета показало: идеал Фёдора Чудакова не может быть достигнут в результате отказа от одной из двух важнейших сторон человеческого бытия.

Когда выясняется, что прорубь, через которую Леший попал в чертоги Русалки, накануне – во время праздника Крещения – осытил священник, и теперь для нечистой силы она становится непреодолимым препятствием, герой испытывает настоящее потрясение: он осознаёт, что не готов отказаться от воли. И любовь уже не кажется ему той высшей ценностью, ради которой можно жертвовать свободой:

Русалка. Не терзай печальным словом
Сердце робкое моё...
Встань, о, друг, и пиром новым
Счастье справим мы своё! –
Бросим старые тревоги!
Новых скорбей не зови.
И пойдём в мои чертоги
Для веселья и любви.
Леший. А, любовь! Что такое любовь?
Роковое, болезненное бессилье!
Скорбный час, когда жгучая кровь
Обжигает у гордости крылья...
Поллюбить – это значит дать сердцу истлеть –
Потерять невозвратные годы...
Поллюбить – стать рабом... Поллюбить – умереть
Для свободы, для милой свободы! [21, № 975]

Вместо воли, так страшно потерянной,
Что любовь твоя даст мне взамен?
О, я знаю: чредою размеренной
День за днём нескончаемый плен
Потечёт... Будут ласки, объятия,
Будет сон и объятия вновь...
О, проклятье, проклятье, проклятье
Всем, кто в сердце пригреет любовь!!
Как змея, как гадюка ехидная,

В сердце жадное жало вонзит
И вольётся бессилье постыдное
И как яд – сразит... [21, № 975]

В финале драматической сказки главный конфликт – между покоем и волей, между потребностью обрести личное счастье и жаждой свободы – не получает своего окончательного разрешения: герой остаётся в нижнем царстве, но тоскует о верхнем, куда путь откроет лишь нескорая весна:

Леший. Все они говорят об одном, об одном:
Ещё воды окованы льдом!..
Всё вокруг спит ещё глубоко,
И весна далеко-далеко...
Не придёт... Не придёт – хоть зови не зови...
О, свобода дороже любви!
Стонет сердце моё...
Стражду я глубоко...
А весна – далеко, далеко!.. [21, № 975]

Противоречие, раздиравшее героя, не разрешилось. Желанное равновесие не обретено: маятник лишь качнулся из одного крайнего положения в другое.

Думается, подобное противоречие, разрывающее сердце героя произведения, было актуально и для автора «Очарованного Лешего». В этом неумении соединить в своей жизни кажущиеся ему несовместимыми желания и состояла причина драматического умонастроения Фёдора Чудакова. А это, в конце концов, не могло не повлиять на тот трагический выбор, который он избрал для себя и своей семьи в марте 1918 года.

Литература

1. *Босяк.* [Чудаков Ф.] Мой роман // Эхо. 1911. № 878. 16 (29) октября. С. 2.
2. *Босяк.* [Чудаков Ф.] Пережитое: стихи. Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.

3. *Босяк*. [*Чудаков Ф.*] Плен. Улыбка прошлого // Эхо. 1911. № 934. 24 декабря (6 января). С. 5.
4. *Гусяр*. [*Чудаков Ф.*] Вечерние приключения // Эхо. 1912. Прибавление к № 1060. 8 (21) июня. С. 2.
5. *Гусяр*. [*Чудаков Ф.*] Левое засилье // Эхо. 1911. 6 (19) апреля. № 729. С. 3.
6. *Гусяр*. [*Чудаков Ф.*] Максимки дневник // Эхо. 1912. № 1007. 1 (14) апреля. С. 3.
7. *Гусяр*. [*Чудаков Ф.*] Серенада // Эхо. 1911. № 871. 8 (21) октября. С. 3.
8. *Зейнаб*. Друзьям. Новогодние пожелания // Эхо. 1912. № 938. 1 (14) января. С. 3.
9. *Урманов А.В.* Амурский Саша Чёрный (О Фёдоре Ивановиче Чудакове) // Филологическая регионалистика: научный и информационно-аналитический журнал. Тамбов. 2009. № 1–2. С. 42–56.
10. *Резниченко Кузьма*. [*Чудаков Ф.*] Диана Кедровская: приключенческая повесть // Амурское эхо. 1917. №№ 556–564, 566, 568–569, 571–572, 575, 577.
11. *Урманов А.В.* Пьеса Фёдора Чудакова «Изгнанники (Картины из жизни в ссылке)» в контексте его жизненной и творческой судьбы // Лосевские чтения – 2016: материалы региональной научно-практической конференции / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. С. 4–13.
12. *Урманов А.В.* Чудаков Фёдор Иванович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 423–428.
13. *Фёдор Ч.* [*Чудаков Ф.*] Из всех имён на свете... // Эхо. 1911. № 830. 13 августа. С. 2.
14. *Фёдор Ч.* [*Чудаков Ф.*] Светляк // Эхо. 1911. Прибавление к № 797. 3 июля. С. 1.
15. *Чудаков Ф.* Изгнанники (Картины из жизни в ссылке). Благовещенск: Издание Дмитрия Чудакова, 1918. 83 с.
16. *Чудаков Ф.* «Чаша страданья допита до дна!..»: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / составление, предисловие, подготовка текста, комментарии

А. Урманова. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016. 716 с.

17. *Язва*. [Чудаков Ф.] Знахарь // Эхо. 1911. № 920. 8 (21) декабря. С. 3.

18. *Язва*. [Чудаков Ф.] Лирический баритон // Эхо. 1911. № 922. 10 (23) декабря. С. 3.

19. *Язва*. [Чудаков Ф.] Нельзя? Может быть, с натуры // Эхо. 1912. № 1082. 5 (18) июля. С. 3.

20. *Язва*. [Чудаков Ф.] Нечто типографское // Эхо. 1912. Прибавление к № 1024. 22 апреля (5 мая). С. 2.

21. *Язва*. [Чудаков Ф.] Очарованный Леший: драматическая сказка // Эхо. 1912. № 972. 16 (29) февраля. С. 2; № 973. 17 февраля (1 марта). С. 2; № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2; № 975. 19 февраля (3 марта). С. 2.

22. *Язва*. [Чудаков Ф.] Очарованный Леший: драматическая сказка. Благовещенск, 1912. 24 с.

23. *Язва*. [Чудаков Ф.] У окна. Роман сотрудника // Эхо. 1912. № 1005. 30 марта (12 апреля). С. 3.